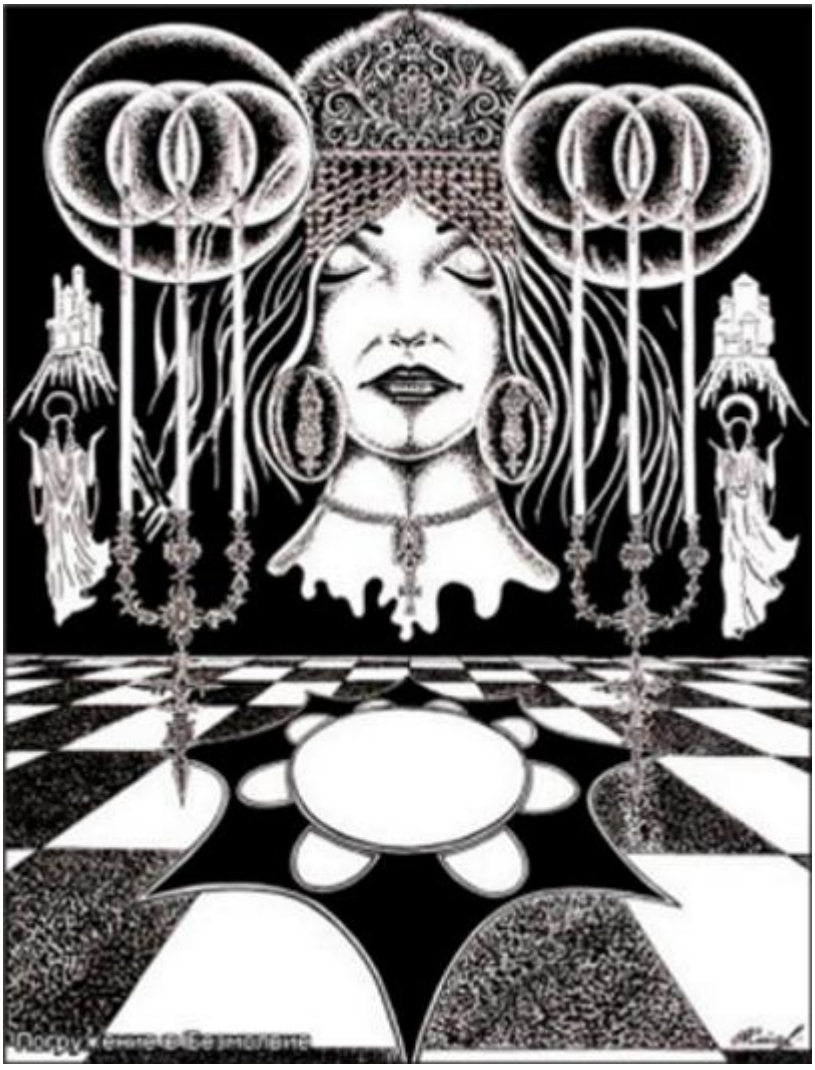
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛИАЛ МГУ в городе СЕВАСТОПОЛЕ

Центр информационной политики и
международного сотрудничества



МИФ
В ИСТОРИИ, ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ

Сборник материалов
IV Международной научной междисциплинарной конференции
(июнь 2020 года, г. Севастополь)

Севастополь
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия…… 2
Содержание…… 4
Введение…… 12

1.Человек мифический: прошлое, настоящее, будущее. Роль мифа в жизни человека и общества. Ремифологизация: причины и последствия. Проблема преодоления мифа. Миф в человеке и человек в мифе. Мифы повседневности

Бурнашева М. П., Некита А. Г., Маленко С. А. Личность как полигон мифосимволического противостояния добра и зла в голливудском сериале «Люцифер»…… 18
Пивоев В. М. Праксеологическая функция мифа…… 23
Пименова М. В., Киселева А. М. Актуализация символических признаков концепта «*муж*»…… 26
Пожарский С. Д., Юмкина Е. А., Дроздова М. А. Образ героя в представлениях студенческой молодежи…… 33
Силичева О. Детские паттерны и некоторые причины депрессии. Архетип героя как этап процесса индивидуации личности…… 37
Ставицкий А. В. Миф: природа восприятия мира и возможности рационального…… 42
Фоминенко Ю. А. Миф, ритуал, религия: концепция мифоритуала…… 49
Широкова О. В., Некита А. Г., Маленко С. А. Фатализм тоталитарной реальности в образах американских фильмов ужасов…… 52

2. Миф как универсалия и смысловая матрица культуры. Великие мифы великих культур. Роль мифа в жизни общества. Культурно-символический ресурс мифа. Универсальные мифоосновы человеческого бытия и психологические практики. Проявление мифа через культы и табу

Аванесов С. С. Город как культурный миф…… 57
Богомолов А. Н. Рождение мифа о Фаусте на Западе в XVI веке…… 62
Кондратьев В. М. Проблема первоначала в древней мифологии…… 67
Куприянов В. А. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского: мифологический, философский и исторический аспекты…… 72
Прохватилов И. В. Обрядовая сторона религии балтийских славян…… 78
Ставицкий А. В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия…… 86
Сюзюмов И. А., Некита А. Г., Маленко С. А. Сущность религиозного мифа по версии голливудского сериала «Американская история ужасов»…… 93
Харитонов А. М. Индоевропейская мифология в Юго-Восточной Азии…… 99
Яковлева Е. Л. Далианский вариант мифа о Нарциссе…… 102

3. Миф как поле ценностных смыслов. Мифопоэтическое восприятие народов и людей. Синергия смыслов и ценностей в условиях социального, этнокультурного и религиозного многообразия. Миф в литературе и культуре. Миф и поэтика исторического действа

Вереш П. Т., Арпентьева М. Р. История урало-алтайских народов и мировой цивилизации: мифологический аспект…… 107
Зимина А. А. Мифологизированный и реальный образ гусляков на основе источников XIX века…… 116
Иванова Е. В. Полиморфность религиозной мифологии: оборотничество трикстера…… 120
Караваева Д. Н. Миф о «пасторальной глубинке» в современном дискурсе английской идентичности…… 128
Мамонова С. К. Мифопоэтическое и индивидуально-авторское в комедиях Н. В. Гоголя и У. Шекспира: «Женитьба» и «Сон в летнюю ночь»…… 136
Мошина Е. А., Умурзакова А. Ж. Миф об именинах земли в русской лингвокультуре…… 141
Ставицкий А. В. Понятие «мифопоэтика» в свете рассмотрения мифа как культурной универсалии…. 146

4. Причины и смысл мифотворчества, его природа и предназначение. Смысловое многообразие мифотворчества. Мифотворчество как антропологическая потребность и исторически предопределённое упорядочение хаоса. Исторический контекст и социокультурные пределы мифотворчества

Дубовицкий В. В. Мифы «Благородной Бухары»…… 154
Лесовиченко А. М. Романтический литературный миф как источник религиозного движения (к 200- 160

2. Миф как универсалия и смысловая матрица культуры. Великие мифы великих культур. Культурно-символический ресурс мифа. Универсальные мифоосновы человеческого бытия и психологические практики. Проявление мифа через культы и табу

Человек живёт в культурном космосе, образованном смыслами, ценностями, значениями, закреплёнными посредством материальных объектов, а не в мире материальных объектов «самих по себе».

Сергей С. **Аванесов**

Миф раскрылся и занял ту нишу, которую приготовила для него культура, потому что его оказалось нечем заменить. Ведь никакое логическое мышление не может передать ощущения детства, чувство волшебства ускользающего мгновения, радость творчества и при этом ещё нас учить понимать и чувствовать мир во всей бесконечности его бытия, со-чувствуя и со-переживая созданной мифом вселенной смыслов.

Моше Леви

Представления о мифе нуждаются в большей определённости. Но связана она не с новыми подходами к мифопоэтике, а с преодолением специализации различных научных дисциплин, чтобы рассматривать миф онтологически как целостность.

Андрей В. Ставицкий

УДК 303: 930. 85
Аванесов С. С.

Город как культурный миф

Позднее наследство,
Призрак, звук пустой,
Ложный слепок детства,
Бедный город мой.

Арсений Тарковский

В своём сообщении я постараюсь представить некоторые соображения в пользу тезиса о том, что всякий конкретный город не только связан с определённой локальной мифологией, но и сам *как таковой* является мифом.

Город как таковой вряд ли может быть до конца определён, схвачен в едином непротиворечивом понятии. Ещё менее поддаётся определению всякий *конкретный* город. Можно ли сказать, что мы живём в конкретном городе, если мы не можем его рационально определить и даже географически строго ограничить? Что позволяет нам быть уверенными в том, что мы действительно живём в этом конкретном *городе*, а не просто в жилище, расположенном по формальному адресу? На конкретный город указывает не формальное определение, а миф, связанный и с именем города, и с его идентичностью. Под мифом в данном случае нужно понимать образ города,

сконструированный в нарративной форме и не опирающийся на строго рациональные основания.

Любой разговор о городе начинается с его наименования, которое в культурном дискурсе не только способно полностью заменить его рациональное определение, но и оказывается, как это ни парадоксально, более точным указанием на предмет речи. Город как сложное культурное образование не поддаётся исчерпывающему описанию через абстрактное понятие [ср. : 1, с. 137–138]; как всякое явление культуры, город имеет отношение к «первой природе» человека, а потому городские дискурсы не могут строиться на абстракциях, с необходимостью требующих отвлечения от полноты реального положения дел.

Человек живёт в *культурном* космосе, образованном смыслами, ценностями, значениями, закреплёнными посредством материальных объектов, а не в мире материальных объектов «самих по себе». Строго рациональное отношение к городу превращает его в собрание пространственных и временных фрагментов, «объективная» корреляция между которыми оказывается проблематичной либо вообще невозможной. Город обнаруживается только через акт дефрагментации, обеспечиваемой не на уровне абстрактного понятия, а в поле интегрального переживания, инициированного городским мифом.

Реальный город всегда индивидуален, однако эта его индивидуальность определяется не аналитическим перечислением его «фактических» особенностей, а его предельно общим *образом*, сложившимся в результате культурно-антропологических процессов. Такой интегральный образ города как раз и можно назвать его мифом. В результате продуманных диалектических операций А. Ф. Лосев пришёл к выводу о том, что «*миф есть в словах данная чудесная* ***личностная*** *история*» [5, с. 169], то есть рассказ о происхождении индивидуального культурного феномена. При попытке согласовать термины, входящие в эту формулу мифа, Лосев приходит к другому варианту того же самого: «*миф есть* ***развёрнутое магическое имя***» [5, с. 170]. Проще говоря, миф связан у Лосева с *продуцирующим именованием*, способным быть развёрнутым во времени.

В имени, замечает Ю. С. Осаченко, заключён «ценностно-смысловой образ феномена», в том числе образ культурного явления; магичность же имени «заключается в том, что именование приводит именуемое в наличие <…>. Имя наделяет существо, вещь, деяние проявленностью, закрепляет его в бытии в качестве сущего; имя делает существующим, наличным и существенным явление – проявляет и фиксирует тождество вещи для сознания» [7, с. 238]. Так, миф сообщает городу и его наличие, и его историческую глубину, то есть его самотождественность во времени. Следовательно, миф – это имя, заключающее в себе историю того, *что* оно именует. А именно наличие истории и превращает физический объект в *культурное событие*.

Где же *история* того обитаемого места, которое нам здесь и сейчас известно под тем или иным именем? Прежде всего и в первую очередь – в само́м его наименовании, в котором она содержится именно как миф. В научных текстах о городе развёрнута его история как рациональная система связных предложений, в художественных произведениях – как ряд субъективных впечатлений, переживаний и воспоминаний, в иллюстрациях – как сумма визуальных образов этого города. Но и в науке, и в литературе, и в изобразительном творчестве развёрнуто, воплощено одно и то же – имя города как его миф. Это мифическое имя города задаёт собой тот *общий контекст*, в котором взаимодополнительно увязываются друг с другом и подгоняются друг к другу различные его образы и разные высказывания о нём. Следовательно, город удерживается в поле культуры прежде всего своим именем, скрепляющим собой различные его пространственные элементы и временные периоды.

Миф города сочетает в себе черты трёх категорий мифа: этиологического, космогонического и героического. Этиологическая функция городского мифа – это «мифологическая интерпретация исторических событий и персонажей» [8, с. 185], призванная объяснить происхождение города, вскрыть цепь событий – по большей мере легендарных, – которые привели к его появлению. Например, основание Рима в эпическом мифе представлено и как акт священнодействия, и как результат событий, приведших к возникновению «вечного города» и положивших начало его истории. Основание Рима – это высшая точка и завершение того дела, которое *герой* Эней делает всю жизнь, – дела «созидания городов» [4, с. 86].

Дата основания города – как правило, приблизительная, неточная – становится непременной частью его имиджа и бренда, занимает важнейшее место в структуре городского дискурса, инициирует регулярные торжества, которые становятся одним из главных драйверов городской идентичности. Здесь прочитывается старый мотив мифологизации «начала» как священнодействия, в котором заложена вся последующая «судьба» города. Историческое время жизни города структурировано этими праздничными повторениями начала, «возвращениями к истоку».

Основание города в мифе уподобляется созданию мира. Подобно тому, как космос формируется вокруг мировой оси, так город строится вокруг сакрального центра. В принципе, любой миф «нацелен на изображение превращения хаоса в космос» [6, с. 654]; предание об основании города несёт в себе явные признаки такого мифа. Город как ограждённое и «устроенное» (человеческое) пространство традиционно противополагается окружающему хаотическому «месту», тьме внешней. «Сооружение городов не просто строительство убежищ от непогоды, “мест жительства”. Город – это такое место и такая форма жизни, где воля человека торжествует над природной дикостью, организация над хаосом, законы над прихотью и страстями, мир над распрями и драками, счастье солидарности над животным эгоизмом» [4, с. 87]. Город как искусственное (то есть искусное) образование соответствует человеческому способу существования и потому является наглядно выраженной космогонией, воплощённым опытом создания осмысленного порядка из беспорядочного и неустроенного хаоса. Пространственные «схемы» организации городской среды «способствуют тому, что чужой город мы воспринимаем через знакомое городское пространство, в том числе и через призму мифологических представлений и художественных образов» [2, с. 202]. Мы *узнаём* город, когда воспринимаем его не просто как сумму наличных физических объектов, но способны прочесть в них то же самое, что мы прочли в книгах, и увидеть то же, что мы видели в фильмах или на картинах. Если город знаком нам с детства, мы видим этот наш город, даже если не сохранилось *ни одно* здание и *ни один* вид из тех, что окружали нас в прежние времена. Мы способны видеть город, которого «физически» нет, но который существует в памяти, то есть в культуре. Миф города настраивает именно на такой взгляд, способный актуализировать отсутствующее.

Восприятие реального города *как такового* (а не как суммы разрозненных видов из окна туристического автобуса) обусловлено особой «оптикой» взгляда, предполагающей восприятие каждого городского фрагмента в его пространственном и временно́м (историческом) контекстах. Именно эти контексты позволяют в само́м акте рецепции переживать этот акт как частное восприятие города в целом, в его *общем* хронотопе. Безусловно, этот хронотоп определяется и тем удалённым будущим образом, к соответствию которому устремлена история всякого конкретного города, то есть его *идеалом*. Как реальный город соотносится с собственным идеалом? Он соотносится с ним как с *мифом* себя. Следовательно, и в ретроспективном, и в перспективном измерениях всякий город есть миф.

Таким способом – в мифе – существуют города, которые в материальном измерении уже *не* существуют. Это руины, которые оживлены мифом города. Мы посещаем именно исторические города, а не руины, равные только самим себе. Город жив до тех пор, пока в культуре циркулирует его мифический образ. Бывает, что руины включены в живой, но уже совсем иной город, визуально подтверждая подлинность его истории и выдвигая его существование далеко за его эмпирические границы.

Миф города отличается динамическим характером, он исторически вариативен. Неоднозначность и подвижность содержания культурного мифа практически любого современного города «является следствием “мозаичности” и постоянных трансформаций структур восприятия и понимания действительности горожанами» [8, с. 191], реципиентами и носителями городского мифа. Так, например, Петербург выступает в оболочке нескольких последовательно сложившихся мифов: «окно в Европу», «Северная Венеция», «блистательная столица», «город трёх революций», «непобеждённый город-герой», «культурная столица России», «город смерти» и так далее. Культурному мифу города, как правило, не свойственно однозначное представление действительности: «он обеспечивает открытый <…> и постоянный процесс приращения либо потери знаний социального субъекта о городе» [8, с. 186]. Таким образом, деятельное отношение городских жителей к месту своего обитания заключается не только в «потреблении» мифа, но и в «производстве» его новых деталей и изводов. Общий миф города преломляется в его партикулярной мифологии, в тех частных «преданиях», которые всегда сопутствуют его истории. Именно городские мифы с начала XX века стали теоретическим ядром и концептуальной основой «культурно-антропологического градоведения и гуманитарной географии», а мифологии города «рассматриваются как существенный элемент многих локальных историй и гуманитарно-географических образов» [см. : 3].

Такого рода мифология конкретного города активно формирует городскую идентичность и мотивирует практическую солидарность горожан на базе этой идентичности. В состав культурного мифа города «органично входят (аккумулируются, трансформируются, контаминируют) самые различные повествования. Многие из этих рассказов опираются на исторические факты, но в их ткань органично вплетены мифологические, литературные, политические, экономические и другие образы и события» [8, с. 175]. Неофициальная городская история содержит в себе множество таких легенд, многие из которых либо закреплены в художественной литературе и искусстве, либо прямо созданы в их лоне. Важнейшим жанром и аккумулятором мифологии города выступает городской фольклор.

К основным функциям городского мифа [ср. : 8, 187–188] относятся:

1) социально-статусная (воспроизводство городской социальной структуры, посредством которой горожане включаются в совместную жизнь);

2) воспитательная (культурное воспроизводство городского сообщества через личный рост и самореализацию);

3) нормативная (поддержание элементов моральной и правовой регламентации поведения социальных субъектов);

4) эмоциональная (психологический комфорт, чувство сопричастности);

5) организационно-досуговая (основание и материал для мероприятий, поддерживающих и продуцирующих городскую идентичность);

6) стратегическая (учёт «идеальных» компонентов мифа в процессе разработки планов стратегического развития города);

7) экологическая (влияние на программы поддержания равновесия между социальным субъектом и средой обитания);

8) экономическая (привлечение инвесторов, а также восприятие города как предмета деятельной заботы, а не только места извлечения прибыли).

Как видим, миф города способен оказать влияние практически на все стороны городской жизни, придать им дополнительную осмысленность, объём и глубину.

Наконец, исследование города в строгих рациональных понятиях представляется крайне затруднительным, поскольку город, как культурный конструкт, включающий в себя различные типы рецепции, не поддаётся строгому логическому определению. Более того, сама интенция на *рациональное* исследование города, не будучи подкреплённой никакими строгими обоснованиями, функционирует как «научный миф». И в этой своей мифичности понятийное познание урбанистической реальности, как минимум, ничуть не лучше и не точнее, чем её исследование средствами поэзии, живописи, музыки или кинематографии. Таким образом, оказывается, что и рациональная урбанистика не столько противостоит мифу города, сколько включена в него на правах одного из его возможных вариантов. В целом же умение распознавать и понимать «мифосимволическое значение» городской среды «должно стать ещё одним инструментом понимания мира, в котором мы живём» [8, с. 191]. И здесь в нашем распоряжении оказываются и наука, и литература, и изобразительное искусство, и миф как разные, но в равной степени необходимые способы познания города.

Итак, нет города, если нет мифа о нём. Более того, сам город в его непрерывности и идентичности – по большей части миф. Перевод города в измерение «фактичности» неизбежно ведёт к его фрагментации во времени и пространстве, то есть к его аннигиляции. Общий миф города как средство дефрагментации городского хронотопа представляет собой единственный способ самогó *наличия* города как специфического и конкретного социокультурного образования.

Литература

1. Бонфуа И. Гробницы Равенны / Пер. с фр. С. С. Хоружего // Человек. ru. 2008. № 4. С. 134–143.

2. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Статический и динамический образы европейского города в наивной и художественной картинах мира // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 200–215.

3. Замятин Д. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Интеллектуальная Россия. 2011. 7 декабря. [Электронный ресурс]. URL: http://www. intelros. ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12251-lokalnye-istorii-i-metodika-modelirovaniya-gumanitarno-geograficheskogo-obraza-goroda. html.

4. Кнабе Г. С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры. Москва: Наука, 1975. С. 62–130.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. Москва: Политиздат, 1991. С. 21–186.

6. Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифология: Большой энциклопедический словарь. Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 653–658.

7. Осаченко Ю. С. Онтология мифа: различение тождества. Томск: ТГУ, 2010. 246 с.

8. Фёдоров В. В., Коваль И. М. Мифосимволизм архитектуры. Изд. 2-е. Москва: URSS, 2009. 206 с.